

Полина К.

Добрые Дела бабушек

~♡~

Полина Касымкина
Добрые дела бабушек

«Автор»

2026

Касымкина П. В.

Добрые дела бабушек / П. В. Касымкина — «Автор», 2026

Бабушка Арина чинит кормушку и вместо крыши приделывает к ней свой старый зонтик в горошек. Бабушка Шура тридцать лет чинила моторы, а теперь у себя в гараже учит мальчишек. Бабушка Маруся пускает погреться мальчика, который забыл ключи, и они вдвоём варят суп. А бабушка Ася каждый вечер рассказывает детям сказки. Пока однажды не простужается и не теряет голос. Тогда сказки начинают рассказывать ей. Рядом с бабушками всегда есть дети. Они держат доску, пока бабушка стучит молотком. Носят воду в засуху, клеят объявления про найденного щенка, вяжут коврики для собак из старых футболок. И к концу каждой сказки у них что-то остаётся: звезда на куртке, деревянная лопатка с именем, тетрадка с весом ежа. Сказки короткие, по одной на вечер, их удобно читать вслух. Для детей 5–9 лет. Взрослым тоже будет над чем посмеяться: над котом, который ревнует к щенку, над сорокой, утащившей ёлочную звезду, и над чатом дома, где все спорят про кошек, а скамейка так и стоит сломанная.

© Касымкина П. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Бабушка Арина и кормушка	5
Бабушка Оля и сухое лето	8
Бабушка Вера и тропинка	11
Бабушка Нина и звезда на куртке	14
Бабушка Галя и скамейка	17
Бабушка Тамара и яблоки	20
Бабушка Зоя и мокрый щенок	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Полина Касымкина Добрые дела бабушек

Бабушка Арина и кормушка

Бабушка Арина живёт в последнем доме на улице. Дальше уже лес. Зимой там так тихо, что слышно, как с ёлки падает снег.

Каждое утро Арина надевает валенки, берёт банку с пшеном и идёт к старой яблоне. На яблоне висит кормушка. Её ещё дед делал, давно. Доски потемнели, но держались.

– Ну, налетайте, – говорит Арина и сыплет пшено.

Воробьи налетают сразу. Синицы чуть позже, они осторожные. А снегирь прилетает последним и садится на самую верхнюю ветку. Важный, как директор.

В тот день Арина вышла, а кормушки нет. Вернее, есть, но внизу, в сугробе. Ночью был ветер. Верёвка перетёрлась, кормушка упала, и одна доска треснула пополам. Крыша вообще улетела неизвестно куда.

Воробьи сидели на заборе и молчали. Это хуже, чем когда они ругаются.

– Ну и что вы на меня смотрите, – сказала Арина. – Сейчас починим.

Она принесла из сарая молоток, гвозди и коробку с обрезками досок. Села на перевёрнутое ведро прямо в снег и начала.

Гвоздь не лез. Пальцы мёрзли. В варежках молоток выскальзывал, а без варежек через минуту руку было не согнуть. Доска поехала, гвоздь согнулся.

Арина подула на пальцы и взяла новый гвоздь.

По улице шли Соня и Миша. Это внуки соседки, бабы Тани. Они приезжают к ней на все каникулы. Соне восемь, Мише шесть, и Миша всё время уточняет: «Шесть с половиной».

– Бабушка Арина, вы что делаете? – спросила Соня.

– Кормушку чиню.

– А почему на снегу?

– А где ещё. Она тут живёт.

Миша посмотрел на согнутые гвозди. Их на снегу лежало уже штук пять.

– Давайте я подержу, – сказала Соня. – А вы будете стучать.

Арина хотела сказать «не надо, сама». Она всегда так говорит. Но пальцы уже не чувствовались. Она помолчала и подвинулась на ведре.

– Держи вот тут. Только палец убери. Вот так.

Соня держала доску двумя руками в толстых варежках. Тук. Тук. Гвоздь вошёл ровно.

– О, – сказала Арина. – Пошло дело.

Миша тем временем ползал вокруг яблони. Пшено из кормушки рассыпалось по снегу, и Миша собирал его в ладонь. По зёрнышку.

– Ты так до весны собирать будешь, – сказала Соня.

– Ну и что. Им сейчас есть хочется, а не весной.

Он насыпал горсть на пенёк, отошёл подальше и сел на корточки. Воробьи подумали. Потом один прыгнул на пенёк. За ним второй. Через минуту на пеньке была драка.

– Видали, – сказал Миша. – Работает.

Кормушку собрали. Новая доска была светлая, старые тёмные. Получилось полосато.

– Крыши нет, – сказала Соня.

– Снегом засыплет, – сказал Миша. – Птицам придётся копать.

Арина подумала. Потом ушла в дом и долго там гремела. Вернулась с зонтиком. Старым, синим, в белый горошек. Одна спица у него торчала в сторону.

– Это мой. С выпускного ещё, – сказала она. – Всё равно не открываю. Стесняюсь.

Соня засмеялась. Миша не понял, почему надо стесняться зонтика, но тоже засмеялся.

Зонтик открыли и примотали ручку к кормушке проволокой. Сверху он закрывал её целиком. Торчащую спицу Арина подогнула плоскогубцами.

Повесить кормушку на ветку сами не смогли. Высоко. Пришлось звать бабу Таню со стремянкой. Баба Таня пришла в халате поверх пальто, посмотрела на зонтик и сказала:

– Арина, ты что. Тебя же весь лес засмеёт.

– Пусть смеётся, – сказала Арина. – Главное, чтобы сухо.

Кормушку повесили. Арина насыпала пшена, а Соня привязала рядом на верёвочке кусочек несолёного сала. Синицы его любят. Это Арина научила.

Первой прилетела синица. Села на край зонтика, заглянула вниз. Подумала. И прыгнула внутрь.

– Приняла, – сказала Арина.

Потом пили чай у Арины на кухне. Миша грел руки о кружку и смотрел в окно. Там под синим зонтиком в горошек толпились воробьи. Снегирь сидел на своей верхней ветке и делал вид, что ему всё равно.

– Бабушка Арина, а вы каждый день их кормите? – спросил Миша.

– Каждый.

– И даже когда болеете?

– Даже когда болею. Они же не знают, что я болею.

Миша подумал.

– А если вы совсем-совсем заболаете?

– Тогда вы придёте, – сказала Арина. – Банка с пшеном на крыльце, под лавкой.

Соня и Миша переглянулись. Им ещё никто не доверял банку.

Перед уходом Арина вынесла им по паре варёжек. Серых, колючих, с красной полоской.

– Это вам. А то ваши уже мокрые насквозь.

– Вы их сами вязали?

– Нет, купила, – сказала Арина. – Конечно, сама. Кто ж такие продаёт.

Банка пригодилась через три дня.

Утром Арина встала с кровати и тут же села обратно. Спину прострелило так, что ни нагнуться, ни повернуться. Такое с ней бывало. Надо лежать, греться и ждать. Дня два.

Она лежала и смотрела в окно. Под синим зонтиком было пусто. Воробьи сидели на заборе рядом и ждали. Синица слетала к кормушке, заглянула и вернулась на ветку. Снегирь вообще не прилетел.

Арина взяла телефон. Подержала. Положила обратно. Позвонить бабе Тане значит сказать: «Я не могу». Этого Арина говорить не любила. Совсем.

Она снова взяла телефон и всё-таки позвонила.

– Тань. Тут такое дело. Спина. Ты детей не пришлешь? Банка под лавкой.

Через десять минут в калитку вошли Соня и Миша. В варёжках с красной полоской. Миша нёс банку двумя руками, как торт. Соня шла впереди и показывала, куда ступать, чтобы не поскользнуться.

Арина смотрела на них из окна.

Соня насыпала пшено. Ровно, по всей кормушке, как Арина учила. Миша проверил сало. Сала не было, синицы доклевали. Миша достал из кармана новый кусочек, завернутый в бумажку. Принёс из дома. Сам догадался.

Потом они подошли к окну. Миша постучал.

– Бабушка Арина, мы всё сделали. А снегирь прилетит?

Арина приоткрыла форточку.

– Прилетит. Он всегда последний. Это он так себя уважает.

Снегирь прилетел через час. Арина видела. Сел на свою верхнюю ветку, посидел, потом спустился под зонтик. Арина хотела позвонить и сказать детям. Потом решила, что скажет завтра. Когда они опять придут.

Они приходили оба дня, пока спина не прошла. А на третий день Арина вышла к кормушке сама. Медленно, держась за перила. Соня и Миша уже стояли у яблони. С банкой.

– Мы на всякий случай, – сказал Миша.

– Ну раз на всякий случай, – сказала Арина, – сыпь.

Каникулы кончились через неделю. Соня и Миша уехали в город. А баба Таня теперь каждое утро проверяет: стоит ли банка под лавкой. Стоит.

В городе Миша первым делом выпросил у мамы пакет пшена. Кормушку они повесили на балконе. Зонтика не нашлось. Зато нашлась прозрачная крышка от торта.

Бабушка Оля и сухое лето

У бабушки Оли сад. Не огород, а именно сад. Картошку она не сажает из принципа.

– Картошку я и в магазине куплю, – говорит она. – А ромашки в магазине не продают. Вернее, продают, но это не те ромашки.

В саду у неё ромашки, колокольчики, мальвы до самой крыши и подсолнухи. Подсолнухи она сажает вдоль забора, для людей. Чтобы кто идёт по улице, посмотрел и не прошёл мимо просто так.

Летом Оля каждый вечер поливает. Носит лейки от бочки. Бочка стоит под водостоком, в неё собирается дождь.

А в это лето дождя не было. Совсем. Июнь прошёл сухой, начался июль, тоже сухой. Бочка опустела до дна. Земля в саду пошла трещинами, такими, что туда пролезал палец. Ромашки повесили головы. Колокольчики стали серые от пыли.

Оля ходила по саду и трогала листья. Проверяла, живые или нет.

– Ничего, – говорила она им. – Ничего. Потерпите.

Колонка была в конце улицы. До неё двести шагов. Оля взяла два ведра и пошла.

Первые два ведра она донесла. На третьем заболела спина. На пятом Оля села на лавку у калитки. Ведро стояло рядом, вода в нём дрожала.

Мимо шли Катя и Ваня. Они живут через два дома. Кате девять, она носит очки и всё записывает в блокнот. Ване семь, и он всё время что-то жуёт.

– Бабушка Оля, вам плохо? – спросила Катя.

– Мне хорошо, – сказала Оля. – Я отдыхаю.

Ваня посмотрел на ведро. Потом на сад. Потом снова на ведро.

– Это вы с колонки носите? На весь сад?

– Ну а что делать.

– А это сколько вёдер? – спросила Катя и достала блокнот.

Оля подумала.

– Вёдер тридцать. Если по-честному.

Катя записала. Что-то посчитала и подняла глаза.

– Это шесть тысяч шагов. Только туда.

– А обратно столько же, – сказал Ваня.

– Спасибо, – сказала Оля. – Теперь мне ещё тяжелее.

Ваня засмеялся. Катя закрыла блокнот.

– Мы поможем. У нас есть тачка.

Оля открыла рот, чтобы сказать «не надо». Потом закрыла. Спина болела очень убедительно.

Тачка была садовая, на одном колесе. В неё влезало два ведра, если ставить ровно. Ваня катил, Катя держала вёдра, чтобы не расплескать. Расплескали всё равно. Половина дороги от колонки была мокрая.

– Это мы улицу полили, – сказал Ваня. – Улице тоже жарко.

Работали до темноты. Оля поливала из лейки под корень, а не сверху по листьям.

– Днём по листьям нельзя, – объясняла она. – Капля на солнце как лупа. Обожжёт.

Катя записала.

Ещё Оля научила их мульчировать. Слово Ване очень понравилось, он повторял его весь вечер на разные лады. Мульчировать значит закрыть землю вокруг цветов скошенной травой, чтобы вода не уходила сразу. Траву брали у забора. Там Олин сосед дядя Гена косил и бросал кучей.

– Он её всё равно выбрасывает, – сказала Оля. – А нам пригодится.

Последнее ведро вылили, когда уже горел фонарь. Земля в саду стала тёмная и пахла, как после дождя. Почти.

Катя вытерла очки о футболку. Ваня сидел на крыльце и ел яблоко, которое ему дала Оля. Третье за вечер.

На третий вечер стало понятно, что на весь сад воды не хватит. Даже с тачкой. Колонка на всю улицу одна, и к ней по вечерам очередь. У всех огороды.

– Придётся выбирать, – сказала Оля.

– Как выбирать? – не поняла Катя.

– Кого поливать сегодня, а кого завтра.

Катя открыла блокнот и долго смотрела на пустую страницу. Выбирать ей не хотелось. Получалось, что кто-то сегодня останется сухим.

– Колокольчики первые, – сказала Оля. – Они нежные. Ромашки покрепче, день подождут. Мальвы корни глубоко пустили, им пока хватает.

– А подсолнухи? – спросил Ваня.

– Подсолнухи большие. Выдержат.

Ваня помолчал. Потом сказал:

– Подсолнухи для людей. Вы сами говорили.

Оля посмотрела на него.

– Говорила.

– Вон дедушка каждый вечер ходит. С палочкой. И у забора стоит. Я видел.

Дедушку с палочкой Оля знала. Он жил на соседней улице и по вечерам гулял до магазина и обратно. У её забора он всегда останавливался. Стоял минуту, смотрел на подсолнухи и шёл дальше. Оля думала, он просто отдыхает.

– Ну тогда так, – сказала она. – Колокольчики и подсолнухи сегодня. Ромашки завтра. Ромашки, извините.

Ромашки ничего не сказали.

Ваня катил тачку к забору особенно аккуратно. Ни капли не расплескал. Катя записала в блокнот: «Понедельник: колокольчики, подсолнухи. Вторник: ромашки, мальвы». И нарисовала рядом подсолнух. И дедушку с палочкой.

Вечером дедушка опять пришёл. Остановился у забора. Ваня как раз поливал крайний подсолнух.

– Это ты, что ли, поливаешь? – спросил дедушка.

– Я. И Катя. И бабушка Оля.

– Ну, – сказал дедушка. – Спасибо тебе.

И пошёл дальше. А Ваня весь вечер ходил гордый. Даже яблоко не доел.

Они приходили так каждый вечер целую неделю. Потом к ним присоединился дядя Гена. Он долго смотрел через забор, как дети катают тачку. Потом сказал «ну вы даёте» и протянул из своего двора шланг. Шланг был длинный, зелёный и в трёх местах обмотанный изолентой. Но до Олиного сада он доставал.

– Гена, – сказала Оля. – Я тебе пирог испеку.

– С вишней, – сказал дядя Гена.

– С вишней, – согласилась Оля.

Пирог Оля испекла в тот же вечер. Большой, на весь противень. Вишню взяли у дяди Гены же, у него её было много. Получилось, что дядя Гена сам себе пирог и заказал.

– Это ничего, – сказал дядя Гена. – Главное, что не я пёк.

Ели все вместе на Олином крыльце. Дядя Гена, Катя, Ваня и Оля. Ваня съел три куса. Катя два и записала рецепт. Дядя Гена съел четыре и ушёл домой молча и довольный.

А в конце июля пошёл дождь. Ночью. Катя проснулась от того, что по крыше стучит, и первым делом подумала: ромашки. Потом сразу уснула обратно.

Утром она побежала к Оле. Ваня был уже там. Стоял у забора и смотрел на подсолнухи. Подсолнухи стояли ровно, все в одну сторону. Туда, где солнце.

В конце лета Оля срезала самый большой подсолнух и отдала Кате и Ване. Пополам делить не стали. Сели на крыльцо и вылушили его вместе. Половину семечек съели. А горсть Катя завернула в бумажку и написала на ней: «Посадить в мае. Поливать под корень. Не днём».

Весной они посадили их вдоль своего забора. Для людей.

Бабушка Вера и тропинка

Бабушка Вера знает лес лучше, чем свою кухню. Так она сама говорит. На кухне она вечно ищет то соль, то очки. А в лесу ничего не ищет. Там всё лежит на своих местах.

От её дома в лес идёт тропинка. Узкая, в одну ногу. Она ведёт к роднику, а оттуда дальше. Тропинку протоптала не Вера. Тропинка была ещё до неё. Вера её просто держит. Ходит по ней каждое утро, и тропинка не зарастает.

В начале лета Вера сломала руку. Ничего страшного, поскользнулась на мокром крыльце. Месяц ходила в гипсе и в лес не ходила. А лето было дождливое. Всё росло так, что не остановишь.

Когда гипс сняли, Вера взяла бидон и пошла к роднику. И через двадцать шагов остановилась.

Тропинки не было. Была крапива по пояс. Лопухи размером с зонты. Малинник, который раньше рос сбоку, вылез на середину и сцепился ветками с той стороны. А дальше, где спуск к роднику, поперёк лежала берёза. Упала в грозу.

Вера постояла. Потом пошла домой за секатором.

Работа шла медленно. Рука ещё плохо слушалась. Вера срезала три крапивы и отдыхала. Срезала ещё три и опять отдыхала.

Аня и Коля увидели её с дороги. Они шли на речку с полотенцами. Ане девять, Коле семь, они брат и сестра и всё лето живут у бабушки на соседней улице.

– Бабушка Вера, а что вы делаете в крапиве? – крикнула Аня.

– Тропинку ищу, – сказала Вера. – Где-то тут была.

Коля подошёл и заглянул в зелень.

– А зачем она вам?

– За водой ходить. И вообще. Тропинка, если по ней не ходить, пропадает. За одно лето.

– Совсем?

– Совсем. Была, и нет.

Аня посмотрела на её руку. На запястье ещё был бледный след от гипса.

– Мы поможем. Только мы в шортах.

– В шортах в крапиву нельзя, – сказала Вера. – Идите переоденьтесь. И перчатки возьмите. У бабушки вашей в сарае есть, я знаю.

Через полчаса они вернулись в штанах, в резиновых сапогах и в огромных перчатках. Перчатки были такие большие, что пальцы в них болтались.

– Ну, – сказала Вера. – Теперь хоть на людей похожи.

Аня срезала крапиву секатором. Коля граблями оттаскивал её в сторону. Вера показывала, где резать.

– Вот тут левее. Тропинка всегда огибает этот пенёк. Его все обходили, сто лет.

– А почему его не выкорчевали?

– А зачем. Он никому не мешает. Об него только Пётр Ильич спотыкался. Но он и на ровном месте спотыкался.

Пётр Ильич был Верин муж. Его давно уже нет. А пенёк вот есть, и Вера его не трогает.

Малинник Вера резать не дала.

– Малину не трогайте. Мы её подвяжем.

Подвязывали бечёвкой к колышкам. Коля держал, Аня завязывала. Получился малиновый забор. Две ягоды Коля съел. Сказал, что для проверки.

К обеду дошли до берёзы.

Берёза лежала толстая, белая, через всю тропинку. Сдвинуть её было нельзя даже втроём. Коля попробовал. Покраснел, но берёза не заметила.

– Обойти можно, – сказала Аня. – Вон там, через кусты.

– Можно, – сказала Вера. – Только через год тропинка уйдёт в кусты. А потом ещё куда-нибудь. И будет петлять, как заяц от лисы.

– А как тогда?

Вера подумала.

– Ступеньки сделаем.

Они натаскали от ручья плоских камней. Положили по обе стороны берёзы. Получилось две ступеньки вверх и две вниз. А сверху, где наступать, Коля положил кусок старой доски, чтобы не скользко.

Коля перелез первым. Потом Аня. Потом Вера, держась за Анину руку. Ей это тоже было непросто: держаться за чью-то руку. Но она держалась.

К роднику дошли вечером. Он был на месте. Только его было не узнать. За лето родник засыпало листьями и ветками. Вода еле сочилась из-под корня, мутная. В ямке, где раньше было видно каждый камушек, лежала бурая каша.

– Ой, – сказала Аня. – Он сломался?

– Родник не ломается, – сказала Вера. – Его просто никто не чистил. Сейчас.

Она достала из кармана жестяную кружку. Встала на колени у ямки. И начала выбирать листья. Осторожно, по одному, чтобы не поднять муть.

Аня и Коля сели рядом. Коля доставал ветки. Аня выгребала кружкой ил и выплёскивала в траву. Вода была ледяная. Руки сразу покраснели.

Из-под листа выпрыгнула лягушка. Маленькая, коричневая. Посмотрела на Колю. Коля посмотрел на неё.

– Она тут живёт?

– Живёт, – сказала Вера. – Пусть живёт. Она воду не портит.

Лягушка подумала и прыгнула в траву. Уступила место.

Через полчаса ямка стала чистая. Вода в ней сначала была мутная, потом посветлела. Потом стало видно дно. Камушки. Песок. И как из-под корня, из самой глубины, поднимается вода. Песчинки на дне шевелились, как живые.

– Теперь подождём, пока отстоится, – сказала Вера.

Ждали. Аня сидела на корточках и смотрела в воду. Коля бросал в траву травинки, чтобы выманить лягушку. Лягушка не выходила. Она была умнее.

Потом Вера набрала бидон. Вода была холодная, аж зубы сводит. Аня и Коля по очереди пили из ладоней.

– Ну вот, – сказала Вера. – Жива тропинка.

На обратном пути, у берёзы, Коля вдруг сел на корточки.

– Смотрите.

На мокрой земле у камня были следы. Маленькие, с коготками. Цепочкой.

– Ёж, – сказала Вера. – Уже ходит. Быстрый.

– Это наша тропинка, а он по ней ходит, – сказал Коля. Обиженно, но не очень.

– Это его тропинка, – сказала Вера. – Он по ней ходил раньше нас всех. Мы так, рядом топчемся.

Дома их ждала баба Зина. Это Анина и Колина бабушка. Она стояла у калитки, руки в боки.

– Вы где были? Взяли перчатки и пропали на весь день. Обед остыл. Ужин скоро.

– Мы тропинку чистили, – сказал Коля. – С бабушкой Верой. До родника.

Баба Зина посмотрела на их зелёные от травы штаны. На красные руки. На Веру с бидоном.

– До родника? – переспросила она. – Он ещё есть?

– Есть, – сказала Вера. – Куда он денется.

Баба Зина помолчала. Потом взяла у Веры бидон, налила в ладонь воды и выпила.

– Мы с тобой туда девчонками бегали, – сказала она Вере. – Помнишь? Я там в шестом классе туфлю утопила.

– Помню, – сказала Вера. – Мы её палкой до темноты доставали.

– Достали?

– Нет. Ты потом в одной туфле домой шла.

Обе засмеялись. Аня и Коля переглянулись. Они не знали, что баба Зина тоже бывает девчонкой.

До конца лета Аня и Коля ходили с Верой к роднику каждое утро. Носили бидон по очереди. Тропинка не зарастала.

А в августе Вера повела их дальше, за родник. Туда, где черничник. Туда тоже вела тропинка, только про неё Вера раньше не рассказывала.

– Вот, – сказала она. – Эту теперь тоже держите. Я одна две не потяну.

Бабушка Нина и звезда на куртке

Бабушка Нина живёт на третьем этаже, в квартире с зелёной дверью. К этой двери весь подъезд ходит с пакетами. В пакетах брюки, которые надо подшить. Шторы, которые надо укоротить. Молнии, которые разошлись, и куртки, у которых оторвалась вешалка.

Нина берёт пакет, заглядывает внутрь и говорит:

– В четверг.

И в четверг всё готово.

Денег она не берёт. Говорит, у неё пенсия, а шитьё у неё не работа, а характер. Люди всё равно несут кто конфеты, кто банку огурцов. Огурцов у Нины на балконе столько, что можно открывать магазин.

Петя живёт этажом ниже. Ему семь лет. Он к Нине ни разу не ходил, ему нечего было подшивать.

До того вторника.

Во вторник Петя лез через забор за мячом. Забор был с острыми концами. Мяч он достал. А когда слезал, услышал звук. Короткий такой: хрррр.

На куртке, на боку, была дыра. Большая. Через неё был виден свитер.

Куртку купили в сентябре. Синюю, с капюшоном. Мама долго выбирала и долго думала, брать или нет, потому что дорого. Взяли. Петя тогда сам слышал, как мама сказала папе по телефону: «Ну ничего, зато на две зимы».

Петя постоял у забора. Потом снял куртку, свернул дыркой внутрь и пошёл домой без неё. Был октябрь. Было холодно.

У подъезда на лавочке сидела Нина. Вдевала нитку в иголку. Прямо на улице, потому что на улице светлее.

Нина посмотрела на Петю. На свёрток в руках. На красный нос.

– Ты чего без куртки?

– Жарко, – сказал Петя.

– Ага, – сказала Нина. – Вижу. Аж синий весь. Давай сюда.

Петя не дал. Прижал куртку к себе.

– Порвал? – спросила Нина.

Петя кивнул. Губы у него задрожали, и он их сжал.

– Ну пойдём, – сказала Нина. – Посмотрим.

У Нины дома пахло утюгом. На столе стояла швейная машинка, старая, чёрная, с золотыми буквами, которые почти стёрлись. Под столом педаль. Над столом на стене висели ножницы, штук семь, все разные.

Нина расстелила куртку на столе. Посмотрела на дыру. Потрогала край пальцем.

– Ну, – сказала она. – Бывало и хуже.

– А маме можно не говорить? – спросил Петя.

Нина подняла на него глаза.

– Это тебе решать. Куртка твоя. Мама твоя.

Петя подумал.

– А вы можете зашить, чтобы не было видно?

– Не могу, – честно сказала Нина. – Видно будет. Такая дыра без следа не уходит. Можно только сделать, чтобы было видно красиво.

– Это как?

Нина открыла коробку. Коробка была из-под печенья, круглая, жестяная. Внутри лежали лоскутки. Сотни. Клетчатые, в цветочек, джинсовые, бархатные, один даже золотой.

– Выбери, – сказала она.

Петя выбирал долго. Потом вытащил кусочек тёмно-жёлтой ткани, плотной, как брезент.

– А из такого можно звезду?

– Из такого можно что угодно.

Нина нарисовала мелом звезду. Пять лучей. Вырезала её большими ножницами. Ножницы щёлкали, как кузнечик.

– А дальше ты, – сказала Нина и протянула иголку.

– Я?!

– А кто куртку рвал?

Шить было трудно. Иголка колола палец. Нитка путалась и завязывалась узлом там, где не надо. Нина не помогала. Сидела рядом и пила чай.

– Мельче стежок, – говорила она. – Не торопись. Это не забор.

– А вы рвали? – спросил Петя, не поднимая головы. – Когда маленькая были?

– Ещё как, – сказала Нина. – Мне было девять. У меня было платье. Одно, нарядное, голубое. Я в нём полезла на черёмуху. За ягодами.

– И порвали?

– От подola до пояса. Мама посмотрела и ничего не сказала. Вообще ничего. Это было хуже всего. А вечером села и пришила на дырку цветок. Из белого кружева. Большой такой, через всё платье.

– И что?

– И ничего. Все девчонки потом хотели такой же. Чуть не специально рвали.

Петя засмеялся и уколол палец. Сунул палец в рот.

– Видишь, – сказала Нина. – Шить и смеяться сразу нельзя. Надо выбирать.

Один луч Петя пришил криво. Нина велела распороть. Петя чуть не заплакал второй раз за день, но распорол.

Во второй раз получилось лучше.

Под конец Нина всё-таки села за машинку и прострочила звезду по краю, чтобы держалась. Машинка застрекотала. Педаль под Ниниными тапками качалась вверх-вниз.

– Это я не за тебя, – сказала она. – Это я для прочности. Остальное ты сам.

Петя надел куртку. На боку была звезда. Жёлтая на синем. Один луч чуть толще остальных.

– Это где я распарывал, – сказал Петя.

– Ну и хорошо, – сказала Нина. – Будешь помнить.

Вечером мама спросила, откуда звезда.

Петя рассказал. Про забор, про мяч, про хрррр. Про то, что боялся. Рассказывал он в прихожей, не раздеваясь. Чтобы, если что, сразу уйти к себе в комнату.

Мама долго смотрела на звезду. Потом на Петю.

– Это ты пришил?

– Ну. Нина Петровна только машинкой по краю.

Мама присела и потрогала неровный луч пальцем.

– А мне так можно? – спросила она. – У меня на пальто подкладка разошлась. Сто лет хожу и стесняюсь снять в гостях.

Через два дня они пошли к зелёной двери вместе. С пакетом. Нина открыла, заглянула в пакет и сказала:

– В четверг. И пусть Петя придёт. У меня работы много, мне помощник нужен.

В школе звезду заметили сразу. Первым заметил Кирилл. Кирилл всё замечает, особенно то, что не надо.

– Это что у тебя? Нашивка? Ты что, маленький?

Петя сначала хотел соврать, что так и было, так продавалось. Потом подумал про неровный луч. Про то, как распарывал. Про иголку, которая колола палец.

– Это я сам пришил, – сказал он. – Там дырка была.

– Сам? – Кирилл не поверил. – Иголкой?

– Иголкой. И нитками. Вон, видишь, луч толстый. Это я перешивал.

Кирилл наклонился и посмотрел. Долго. Потрогал луч пальцем, как мама.

– А у меня на рюкзаке лямка оторвалась, – сказал он. – Мама ругается, а пришить некому. Папа не умеет.

– Ну приноси, – сказал Петя. Сказал раньше, чем подумал. – Только к Нине Петровне. Я один ещё не умею. Там машинка нужна.

В четверг к зелёной двери пришли трое: Петя, Кирилл и рюкзак. Мамино пальто было уже готово и висело в прихожей на плечиках.

Нина посмотрела на рюкзак, на Кирилла, на Петю.

– Ну, – сказала она. – Это уже бригада.

Лямку пришивали вдвоём. Петя показывал, как держать иголку. Нина пила чай и поправляла, только когда совсем не туда. Кирилл два раза уколол палец. Первый раз сказал «ай», второй раз промолчал. Нина это заметила и подлила ему чаю.

Теперь у Пети в шкафу есть своя коробочка с лоскутками. Тоже из-под печенья. Пока в ней немного: два кусочка джинсы, клетчатый лоскут и остаток жёлтой ткани. На всякий случай.

Бабушка Галя и скамейка

У каждого подъезда должна быть скамейка. Бабушка Галя в этом уверена. Без скамейки подъезд не подъезд, а просто дверь.

У их подъезда скамейка стояла сорок лет. Галя помнит, как её ставили. Тогда Галя была молодая и сидела на ней с коляской. Потом на ней сидели её дети с друзьями. Потом внуки. Внуки теперь большие и живут в другом городе. А Галя опять сидит на скамейке. Всё по кругу.

В апреле скамейка сломалась. Не вся, только средняя доска. Сгнила за зиму и треснула под дядей Вовой с пятого этажа. Дядя Вова не пострадал. Скамейка пострадала.

Теперь на ней можно было сидеть только по краям. По одному человеку с каждой стороны. А между ними дыра.

– Сидим теперь, как поругались, – сказала Галя соседке.

Галя написала в чат дома. Чат называется «Садовая, 12». Там двести человек, и обычно все пишут про шум, про парковку и про то, что кто-то опять оставил пакет с мусором у двери.

Галя написала:

«Уважаемые соседи. Сломалась скамейка у третьего подъезда. Кто может помочь?»

Ответы пришли быстро.

«Это управляющая компания должна».

«Напишите им заявку».

«Я писал заявку про лампочку в прошлом году. До сих пор пишу».

«А может, её вообще убрать? На ней по ночам кошки орут».

«Кошки орут не на скамейке, а на гараже».

«На гараже тоже никто не орёт. Это у вас телевизор».

Дальше пошло про кошек. Про скамейку забыли.

Галя написала заявку в управляющую компанию. Ей ответили, что заявка принята. Прошла неделя. Потом вторая. Скамейка стояла с дырой посередине.

Галя посмотрела на неё из окна. Потом надела куртку и пошла в магазин стройматериалов.

Доску ей распилили прямо в магазине. Как раз по размеру, Галя заранее измерила рулеткой. Домой она понесла её на плече. Доска была длинная, и Галя шла по тротуару медленно, как трамвай. Прохожие уступали дорогу.

Во дворе её увидели Лиза и Тимур. Они брат и сестра с первого этажа. Лизе восемь, Тимур шесть. Они как раз скучали, а долго скучать они не умеют.

– Баба Галя, вы куда с бревном?

– Это не бревно, это доска. На скамейку.

– А вы умеете?

– Нет, – сказала Галя. – Сейчас научусь.

Она положила доску на землю и посмотрела на скамейку. Старую доску надо было открутить. Шурупы заржавели и смотрели на Галю с презрением.

Тимур сбегал домой и вернулся с папой. Папа был в отпуске и в тапках. Он посмотрел на шурупы, сказал «ага» и ушёл за дрелью.

Пока папа откручивал, Лиза и Галя шурили новую доску наждачкой, чтобы никто не посадил занозу. Тимур тоже шурил. Больше всего досталось его штанам.

Новая доска встала на место. Она была светлая, а остальные серые, облезлые.

– Некрасиво, – сказала Лиза. – Как новый зуб.

– Значит, надо красить всю, – сказала Галя.

Краски у неё не было. Галя достала телефон и снова написала в чат:

«Доску поменяли. Нужна краска. У кого остались банки после ремонта?»

Через десять минут во двор вышла женщина из сорок седьмой квартиры с банкой зелёной краски. Потом мужчина с восьмого этажа с банкой жёлтой. Потом девочка-старшеклассница с кистями. Потом дядя Вова, тот самый, с пятого, сразу с двумя банками: синей и белой.

– Это я, значит, сломал, – сказал он. – Значит, мне и красить.

Банок оказалось четыре. Решили не смешивать. Спинку синей, сиденье жёлтым и зелёным, ножки белой.

Красили до вечера. Лиза красила аккуратно, языком помогала. Тимур красил быстро и в основном себя. Галя руководила. Дядя Вова держал банки и рассказывал, как скамейку ставили в первый раз. Он тоже помнил. Говорил, что тогда её покрасили в коричневый и весь двор ругался.

Скамейка сохла два дня. Галя приклеила на неё бумажку: «Окрашено. Не садиться. Совсем». И всё равно один кот посидел. Теперь на жёлтой доске есть отпечатки четырёх лап. Решили не закрашивать.

А в углу спинки, внизу, Лиза и Тимур оставили свои ладошки. Белой краской на синем. Галя сначала хотела поругаться. Потом посмотрела и не стала.

Когда краска высохла, Галя спустилась и села на середину. Туда, где раньше была дыра. Посидела. Потом написала в чат:

«Скамейка готова. Садитесь».

И отправила фотографию.

Под фотографией собралось сорок сердечек. Кто-то написал: «Как в детстве». Кто-то: «А с качелями так же можно?»

Вечером на скамейку сели все, кто её делал. Галя посередине. Справа соседка из сорок седьмой. Слева дядя Вова, осторожно, бочком.

– Не сломаю? – спросил он.

– Попробуй только, – сказала Галя.

Лиза и Тимур сели с краю и болтали ногами. Ноги до земли не доставали. Папа в тапках стоял рядом и делал вид, что просто вышел подышать. Старшекласница сидела на ступеньках с телефоном, но не уходила.

Кот, тот самый, с отпечатками, пришёл и сел под скамейку.

Сидели долго. Говорили про всякое. Про то, что весна в этом году поздняя. Про то, что в соседнем дворе поставили новую горку, жёлтую, как цыплёнок. Про то, как дядя Вова в детстве упал с этой самой скамейки и рассёк бровь. Вот шрам, до сих пор видно.

– Вы с неё падали? – удивился Тимур.

– С этой самой. Она мне тогда по плечо была.

Тимур посмотрел на скамейку с уважением.

Женщина из сорок седьмой вдруг сказала:

– Я тут пятнадцать лет живу. А как вас зовут, Владимир, только сегодня узнала.

– Ничего, – сказал дядя Вова. – Зато теперь знаете.

Когда стемнело, Галя пошла домой. На лестнице она подумала, что у подъезда хорошо бы посадить цветы. Бархатцы. Они неприхотливые. И написала об этом в чат, не дожидаясь утра.

Бархатцы посадили в мае. Рассаду принесла женщина из сорок седьмой, она её на подоконнике вырастила. Лиза и Тимур копали ямки совком. Галя поливала. Дядя Вова сделал вокруг клумбы ограду из старых кирпичей и побелил их.

Тимур посадил свою рассаду вверх ногами. Корнями вверх. Галя заметила и молча пересадила, пока он бегал за водой. Тимур вернулся, полил и сказал:

– Мой цветок самый ровный.

– Самый, – согласилась Галя.

Через месяц Гале пришёл ответ от управляющей компании: «Ваша заявка выполнена». Галя ответила: «Спасибо, мы знаем».

А потом посмотрела на качели во дворе. Они скрипели уже третий год.

– Ну, – сказала она. – Можно и качели.

Бабушка Тамара и яблоки

У бабушки Тамары шесть яблонь. Это много. Это очень много яблок.

Одна яблоня, может, ещё ничего. Две можно пережить. Но у Тамары шесть, и в этом году они все сразу решили, что пора.

С августа яблоки падали днём и ночью. Тук. Тук-тук. Тамара лежала ночью и считала. Однажды насчитала сорок два и уснула.

Она сварила варенье. Восемнадцать банок. Закрыла компот, двадцать банок. Насушила яблок на зиму, полную наволочку. Напекла шарлотку, потом ещё одну. Раздала соседям слева и справа. Отправила посылкой дочери в город. Дочь позвонила и сказала: «Мам, больше не надо. У нас уже яблоки в ванной».

А яблоки всё падали.

– Ну что мне с вами делать, – говорила Тамара, собирая их в ведро. – Выбросить рука не поднимается.

Тамара поставила у калитки ящик. Насыпала в него яблок, самых хороших, без бочков. Сверху положила картонку. На картонке написала: «Берите».

И ушла в дом. Смотрела в окно из-за занавески.

Мимо прошла женщина с собакой. Посмотрела на ящик. Пошла дальше.

Прошёл мужчина с пакетами. Даже не посмотрел.

Прошли две школьницы. Остановились. Пошептались. Пошли дальше.

К вечеру из ящика не взяли ни одного яблока.

– Что ж они, яблок не видели, – сказала Тамара и задёрнула занавеску.

Назавтра к ящику подошли Даша и Сеня. Они живут напротив. Даше девять. Сене шесть, и он ест всё, что не приколочено.

Сеня взял яблоко. Посмотрел на окно Тамары. Тамара смотрела на него из-за занавески. Сеня откусил.

Тамара вышла.

– Ну наконец-то, – сказала она. – Хоть один человек.

– А почему никто не берёт? – спросила Даша.

– Вот и я не знаю. Написано же: «Берите».

Даша посмотрела на картонку. Картонка была маленькая. Буквы корявые, чёрным маркером. Слово «берите» выглядело сердито. Так пишут «Не влезай».

– Они думают, это не им, – сказала Даша. – Или что яблоки плохие. Или что вы потом выйдете и будете ругаться.

– Я не ругаюсь!

– Ну, вы сейчас немножко ругаетесь, – сказал Сеня с полным ртом.

Тамара хотела ответить. Потом подумала и засмеялась.

– Ладно. Что предлагаете?

Предложили много. Даша сбегала домой за фломастерами и большим листом бумаги. Нарисовала яблоко, красное, с листиком. А под ним написала крупно:

«Яблоки от бабушки Тамары. Бесплатно. Сладкие: для чая. Кислые: для пирога. Берите, сколько унесёте. Спасибо, что берёте!»

Сеня сказал, что «спасибо, что берёте» неправильно. Спасибо говорит тот, кто берёт. Даша сказала, что тут всё наоборот. Сеня подумал и согласился.

Яблоки разложили на два ящика. В один сладкие, в другой кислые. Рядом на гвоздик повесили пачку бумажных пакетов. Тамара вынесла табуретку. На табуретку посадили Сеню. С яблоком.

– Ты сиди и ешь, – сказала Даша. – Это реклама.

Сеня сидел и ел. Это он умел.

Первой подошла та самая женщина с собакой. Постояла.

– Это правда можно? – спросила она у Сени.

– Можно, – сказал Сеня. – Я уже четвертое ем.

Женщина взяла яблока. Потом подумала и взяла пакет.

К вечеру ящики опустели наполовину. Назавтра Тамара насыпала снова. Опять опустели.

Но одна вещь Тамару беспокоила. На краю улицы, в доме с зелёной крышей, жила Анна Степановна. Ей было девяносто. До калитки она ещё доходила, а дальше уже нет. Яблоки она очень любила, особенно антоновку. А своей яблони у неё не было.

– Ей мы отнесём, – сказала Тамара. – И деду Мише на горке. И Лидии Петровне, у неё ноги.

Даша взяла блокнот и записала адреса. Сеня прикатил из сарая тачку. Тачка скрипела, как дверь в сказке про Бабу-ягу. В неё поставили три корзины антоновки.

Анна Степановна открыла не сразу. Она долго шла от комнаты до двери. Потом долго смотрела на корзину.

– Это мне? – спросила она. – Тамара, ты что. Куда мне столько.

– Компот сварите, – сказала Тамара. – Или так, понемножку.

– Я так люблю антоновку, – сказала Анна Степановна. – Ты бы знала. Я её в детстве под подушку клала. Чтобы пахло.

Она взяла одно яблоко. Поднесла к носу. И долго нюхала, закрыв глаза. Даша с Сеней стояли и не шевелились.

Дед Миша на горке сказал «о, спасибо», взял корзину и тут же вынес им пакет грецких орехов. Лидия Петровна напоила всех чаем. Сеня выпил две чашки и рассказал ей, как он ест яблоки. Получилось долго.

Те самые две школьницы тоже пришли. На третий день. Постояли у ящиков, пошептались. Потом одна, посмелее, постучала в калитку.

– Здравствуйте. А можно взять для класса? Нам на завтра на урок труда. Мы шарлотку будем печь. Всем классом.

– Это сколько вас?

– Двадцать четыре.

Тамара посмотрела на них. Потом на яблони.

– Ведро, – сказала она. – Не меньше. Кислых. Для шарлотки только кислые.

Ведро школьницы понесли вдвоём. Шли по улице и менялись руками через каждые десять шагов. Сеня смотрел им вслед.

– Не донесут, – сказал он.

– Донесут, – сказала Даша.

Донесли. А через день одна из школьниц принесла Тамаре кусок шарлотки. В пластмассовом контейнере. Шарлотка была чуть подгоревшая сбоку и немного сырая в середине.

– Это от нашего класса, – сказала школьница. – Учительница говорит, для первого раза хорошо.

Тамара попробовала. Подумала.

– Сахару мало, – сказала она. – И духовку надо пониже. А так хорошо.

Школьница достала телефон и записала.

А через неделю в ящике у калитки, между яблоками, нашлась банка. С вареньем. Из яблок, конечно. С запиской: «Попробуйте наше. С корицей».

Потом нашёлся пакет печенья. Потом записка, детская, с ошибками: «Спасибо. Мама сделала пирог. Он был вкусный». Потом кто-то положил мешочек сушёных грибов.

Тамара складывала записки в коробку из-под обуви. Вечером надевала очки и перечитывала.

Даша и Сеня приходили каждый день. Собирали падалицу, сортировали. Эти в ящик. Эти на компот. Эти, с червяком, ежам под забор.

– Ежам с червяком даже вкуснее, – сказал Сеня. – С мясом.

В октябре яблоки кончились. Ящик Тамара убирать не стала. Через три дня в нём кто-то оставил кабачок. Большой, как поросёнок. И записку: «У нас тоже много».

Тамара посмотрела на кабачок. Потом позвонила Дашиной маме.

– Можно к вам Даша зайдёт? Тут кабачок. Надо новую табличку рисовать.

Бабушка Зоя и мокрый щенок

Бабушка Зоя шла из магазина. В одной руке пакет, в другой зонтик. Дождь лил так, что зонтик не помогал. Вода затекала сбоку, снизу и, кажется, даже изнутри.

На остановке, под лавкой, кто-то сидел. Маленький и мокрый.

Зоя остановилась. Наклонилась.

Под лавкой сидел щенок. Рыжий, с белым пятном на груди. Уши висели. Хвост был поджат так, что его почти не было видно. Щенок посмотрел на Зою и задрожал сильнее.

– Ты чей? – спросила Зоя.

Щенок не сказал.

На шее у него был ошейник. Красный, новый. А жетона на ошейнике не было. Оторвался, наверное.

– Ну вот, – сказала Зоя. – Значит, чей-то. Ищут тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.